

Александр Житинский

ПОТЕРЯННЫЙ ДОМ,
ИЛИ
РАЗГОВОРЫ
С МИЛОРДОМ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ж 74

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-33976-7

© А. Н. Житинский (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава 1

ЭТАЖИ

В тот день белая луна стояла в небе, с утра наконец-то ударил морозец, и деревья оделись хрупким инеем. Слава богу, кажется, наступила зима.

Впрочем, начнем с того, что молодой человек вышел из квартиры на лестницу, где было темно. Касаясь пальцами стены, он спустился вниз, на площадку четвертого этажа. Споткнулся о цинковый бак и выругался. Ему не понравился этот бак и запах гнили; вообще лестница ему тоже не понравилась, поскольку была старая, деревянные накладки на перилах делись бог знает куда, а главное, молодой человек никак не мог приспособиться к длине пролетов. Когда ему казалось, что ступенька последняя, он делал шаг на плоскость, но нога проваливалась, а сердце замирало.

Он спустился еще ниже. Где-то внизу засветилась электрическая лампочка, но, когда он, перегнувшись через перила, попытался увидеть площадку первого этажа, оказалось, что до нее еще далеко, а лампочка высвечивает лишь несколько ближайших пролетов. На стене мелом был нарисован корабль с тремя мачтами, но без парусов; потянуло откуда-то сквозняком — влажным, с мелкими каплями дождя — как они сюда прилетели?.. Молодой человек опустил руку в карман пальто и нашел там сигареты, причем пачка оказалась нераспечатанной. Спичек, однако, ни в одном из карманов не было, и он сунул сигарету в рот, надеясь прикурить у какого-нибудь встречного.

Молодой человек впервые вышел из незнакомой квартиры и опять-таки впервые спускался по этой темной лестнице.

Как он попал сюда — а он попал сюда не далее как вчера вечером, — мы еще узнаем, а теперь, пока молодой человек спускается, у нас есть время с ним познакомиться.

Звали его Владимир Пирошников. На вид ему было лет двадцать шесть — двадцать семь, не больше. Говорили, что он работает осветителем в каком-то не то театре, не то дворце культуры, но говорили это давно, а за тот срок, что прошел с тех пор, он, вполне возможно, успел переменить несколько мест службы. Об этом можно судить по тому, что до того, как поступить осветителем, он был последовательно студентом, солдатом, вахтером, снова студентом и, наконец, продавцом книг с лотка в подземном переходе у Гостиного Двора.

Он был начитан, имел аналитический ум, который позволял ему трезво оценивать свое положение в обществе и не питать на этот счет никаких иллюзий. Он твердо знал, что та незначительная и, по правде сказать, случайная деятельность, которой он занимался, — явление временное и преходящее, что в будущем образуется другая, более устойчивая и плавная жизнь, но как именно она образуется — ясного отчета он себе не отдавал.

Впрочем, довольно скоро он осознал, что вообще все временное и преходящее, и это позволило ему спокойней смотреть на свой порядком изломанный жизненный путь. Иногда он даже приходил к мысли, что не будет никакой особенной беды, если он не достигнет сколько-нибудь заметного положения в обществе и вообще не достигнет того, что при тщательном рассмотрении можно было бы выдать за цель его существования.

В последнее время наш герой все чаще страдал, испытывая вялость, раздражительность и прочие признаки дурного расположения духа, которые посещали его обычно по утрам после какой-нибудь очень уж бестолковой ночи, когда он за считанные часы знакомился с десятком людей, большинство из которых не мог наутро и вспомнить, попадал в чужие дома, вел длинные и, казалось, вполне интеллигентные разговоры, а напоследок, как правило, неумело, а потому и неудачливо приставал к женщинам.

Вот и вчера... Господи, но что же было вчера?..

Пирошников спустился еще ниже и в редком свете, падавшем из высокого окна, расположенного метрах в двух над площадкой, увидел кошку. Рядом с кошкой находилась перевернутая полиэтиленовая крышечка от банки. В крышечку было налито молоко, и кошка собиралась приступить к завтраку. Пирошников вспомнил, что он и сам давно не ел, и у него даже мелькнула

мысль — выпить это молоко, поскольку крышечка выглядела очень аккуратной и чистой. Но он не сделал никакого движения к молоку и прошел дальше.

Лестница была пустынна. Доносились, правда, из-за прикрытых дверей запахи дешевой кухни: картофеля, жаренного на постном масле, яичницы; один раз даже аромат кофе уловил нос Пирошникова, но на самой лестнице, исключая баки для мусора и встреченную кошку, ничего больше не было.

Словом, ничто не указывало на последующие странные события. Все выглядело исключительно мирно в этот утренний час — какой именно, Пирошников точно сказать не мог, поскольку часов у него не было.

Он достаточно привык уже к темной лестнице и перестал ее замечать, и она также перестала действовать на него угнетающе. Мысли его приняли другое направление. Он стал восстанавливать в памяти события вчерашнего дня, стараясь добраться возможно далее — к моменту, начиная с которого, как ни вспоминать, ничего больше не вспомнишь.

Что-то торопило Пирошникова поскорее добраться до этого момента, чтобы объяснить себе некоторые частности сегодняшнего утра: где, например, он находится, далеко ли от дома и от работы; почему, несмотря на полную неизвестность относительно своего местопребывания, мысли его все время тянутся к чему-то приятному и согревающему душу. Он даже предпочел бы сразу вспомнить это приятное, но чувствовал, что так ничего, пожалуй, не выйдет, — надо по порядку.

Итак, сначала было общежитие его приятелей-студентов — небольшая комната с четырьмя кроватями, столом и шкафом, который стоял прямо перед дверью, так что в комнату приходилось протискиваться боком; очевидно, это была мера предосторожности от неожиданных посещений, а впрочем, стоять шкафу более было негде, потому как у стен располагались кровати. Пирошникову доводилось бывать здесь не раз, приходилось изредка и ночевать на голом матрасе, положенном на пол, накрываясь при этом сверху другим таким же, из которого, бывало, сыпалась труха, так что утром плечи и грудь оказывались припорошенными ею.

Вчерашний вечер начался как обычно и посвящен был празднованию стипендии, полученной тремя из четырех приятелей.

Собственно, сам вечер не выделялся из других подобных вечеров, поэтому Пирошников перескочил сразу к его окончанию — окончанию именно на этом месте, в общежитии, — ибо компания часов в десять вечера, когда все решительно магазины в городе уже закрылись, перешла в ближайшую шашлычную. Там дело приняло уже серьезный оборот, и вот с того момента память Пирошникова начала как бы заикаться, четко и по нескольку раз восстанавливая одни эпизоды и, напротив, совсем пропуская другие.

Тут мы вынуждены прервать повествование о вчерашнем вечере, чтобы снова вернуться на эту подозрительно длинную и темную лестницу и отметить первую на ней странность. Пройдя несколько лестничных маршей, Пирошников опять увидел кошку, точь-в-точь похожую на первую, мало того — перед этой новой кошкой стояла точь-в-точь та же крышечка, правда на этот раз без молока, что было ясно видно в таком же рассеянном и сером свете, падавшем из подобного же окна. Забавное совпадение!

Если бы мысли Пирошникова не подошли сейчас к тому главному во всей вчерашней истории, которое окрасило сегодняшнее утро в столь приятный цвет, он, скорее всего, обратил бы внимание на этот факт и на то, что кошка была не просто похожа на ту, встреченную ранее, — нет! — она была похожа как две капли воды, страшно сказать — это была та же самая кошка!

Но молодой человек отметил кошку как бы про себя, потому что мыслями он был далеко — на деревянном мосту, ведущем к Петропавловке, куда он попал уже в полночь, и он был там не один.

Появлению Пирошникова на мосту предшествовало маленькое приключение, которое необходимо изложить, ибо в нем как нельзя лучше отразилось нынешнее разболтанное и, прямо скажем, безответственное состояние души нашего героя. Детали приключения сохранились в памяти Пирошникова весьма выпукло — именно потому, что пережиты были острые ощущения.

Компания, о которой уже упоминалось, нашедшая себе приют в дешевой шашлычной неподалеку от общежития, под занавес решила на «соскок», как именуется на городском молодежном жаргоне внезапный уход из ресторана, кафе, шашлычной или иного заведения, обслуживаемого официантами, без оплаты выпитого и съеденного за вечер. Дело это не очень простое, в осо-

бенности зимою, когда за любителями бесплатных угощений присматривают не только официанты, но и гардеробщики, — ведь надо не спеша выйти из зала, сдать номерок, а затем чинно и благородно одеться, испытывая не совсем приятное ощущение, будто тебе вот-вот выстрелят в спину. Однако, по всей видимости, в этом ощущении и состоит своеобразная прелесть подобных побегов для хмельных компаний.

И добро бы имелась крайняя нужда! Не было бы денег, чтобы расплатиться, или бы выказывался этим не совсем законный протест против дурного обслуживания — так нет же! У приятелей Пирошникова деньги были, а прикрепленная к столику официантка отличалась разве что стойким равнодушием к посетителям, что вовсе не редкость. Она надолго и часто исчезала за потертыми плюшевыми портьерами, прикрывающими вход в кухню, а когда появлялась, неся у огромной груди поднос с шашлыками и графинчиками, то даже не удостоивала компанию взглядом.

Может быть, именно это обстоятельство, а скорее желание покуражиться и выкинуть нечто из ряда вон выходящее навело молодых людей на подозрительную идею. Цветущий вид официантки делал неуместной жалость к ней; компания быстро и весело договорилась, что тридцать-сорок рублей, на которые официантка будет «наказана», для нее — сушая мелочь.

Подогреваемые этой мыслью, четыре человека из пяти, в том числе и Пирошников, снялись со своих мест, дождавшись момента, когда официантка в очередной раз уплыла за плюшевые портьеры. В гардеробе они предъявили пять номерков, стараясь шутками и перемещениями запутать старика-гардеробщика. Таким образом куртка оставшегося за столиком заложника тоже была прихвачена, и Пирошников, спрятав ее под полою своего пальто, первым выскользнул из шашлычной.

Сердце гулко стучало, вспотела ладонь, прижимавшая куртку приятеля к животу... — мысль у Пирошникова была одна: уйти как можно быстрее и дальше.

Беглецы расположились в заснеженном сквере напротив, из которого была видна дверь шашлычной. Все притихли, сидя на спинках холодных скамеек и покуривая. Через три минуты дверь распахнулась, и из шашлычной выбежал заложник в расстегнутом пиджаке. Галстук выбился на сторону и развевался на

ветру при беге. Через несколько секунд он был уже с приятелями и, дрожа от возбуждения, натягивал куртку.

Тут же из шашлычной выскочила официантка в белом переднике и с кокошником, засвистела в милицейский свисток. Следом вылетел молодой официант при бабочке, повернулся у дверей, вглядываясь в ночную улицу, но никого не обнаружил... Приятели же Пирошникова, да и он сам уже не видели этого официанта, потому что при первых трелях свистка бросились врассыпную. Пирошников, пробежав квартал, остановился и увидел, что он один.

И сразу же пережитое волнение, заставившее Пирошникова на несколько минут собраться внутренне и протрезветь, внезапно обратилось в расслабленность. Молодому человеку до крайности мерзко сделалось на душе — не то чтобы от раскаяния, но от полной бессмысленности поступка, за которой увиделась вдруг и бессмысленность всего вечера, разговоров, желаний... — больше того: бессмысленность последних лет его жизни, осознаваемая им пока еще неясно, но неотвратимо.

Пирошников побрел по незнакомой улице, уже почти не помня себя, опустив голову... побрел почему-то по направлению к шпилье Петропавловского собора, мерцавшему вдалеке между домов. Опыянение снова одолевало его.

Последняя яркая картина, увиденная им как бы со стороны, была такова: он стоит на мосту в распахнутом пальто, шарф длинным концом свисает из кармана; кажется, он без шапки (однако куда делась шапка?) и смотрит в темную воду, где отражается луна. А рядом с ним в двух шагах, перегнувшись через те же перила, смотрит на отраженную луну женщина в белой шапочке... Снова обидный провал! Пирошников помнил эту шапочку, пожалуй, лучше всего — такая она была мягкая и пушистая; хотелось даже потрогать ее руками, погладить... — но лица женщины он не помнил напрочь. Только длинные волосы из-под шапочки, спадавшие на неопределенного цвета шубку.

Однако сейчас важно было вспомнить, что она говорила, и что говорил он, и как вообще завязалась эта беседа — а он точно помнил, что беседа была, — хотя вид Пирошникова да и время были не самыми подходящими для нее.

Ах этот вид!.. Всякий раз, знакомясь с женщинами, Пирошников стыдился потертости и, если хотите, затрапезности своего

костюма, к которым добавлялись неряшливость и, что хуже всего, — следы давнего блеска.

Например, его ботинки, хотя и были выпуска какой-то иностранной фирмы, имели весьма поношенный и грязный вид, чему, конечно, способствовала слякотная погода, а самое неприятное было то, что Пирошников явственно ощущал дырку в носке на месте большого пальца, — дырку, которую никто видеть не мог, но которая постоянно портила ему настроение и, казалось, заявляла о себе на весь свет. Пальто Пирошникова тоже, будучи модного покроя и не без шика, потерлось на плечах и у карманов, а пуговичные петли разболтались и разлезлись до ужаса, так что любое неосторожное движение легко могло распахнуть полы, и тогда взору являлась подкладка, прорванная в нескольких местах, в особенности снизу, где одна дыра выходила прямо в карман, делая последний решительно непригодным к употреблению.

Все эти мелочи не так уж бросались в глаза, но Пирошникову казались непростительными и, несомненно, не допускающими не только бесед с женщинами, да еще в ночной час, но и самой мысли о подобных беседах.

Тем не менее беседа все-таки возникла, хотя предмета ее молодой человек в памяти не обнаруживал. Зато наконец обнаружилась в памяти шапка и история ее исчезновения. Она пролила какой-то свет на беседу. Может быть, именно с шапки все и началось. Во всяком случае, Пирошников вдруг вспомнил, что поначалу он был в шапке, но потом, желая привлечь к себе внимание (об этом он подумал не без смущения), он снял ее с головы и опустил за перила. Шапка поплыла по воде и скрылась в темноте, а Владимир сказал, обращаясь вроде бы к самому себе, что так, мол, гадают в ночь на Ивана Купалу (он когда-то видел в кино, как девушки пускают венки по течению, но теперь все перепутал, что совершенно простительно).

На что он рассчитывал? Теперь-то, спускаясь по лестнице, он понимал, что последующее поведение женщины, в сущности, совершенно необъяснимо. Она не испугалась, не побежала прочь, а, повернувшись к Пирошникову, сказала что-то такое, чего он опять-таки не мог припомнить. Кажется, она сказала так:

— Вы смешной, но только не надо смешить нарочно, а то получается глупо, ведь правда?

Вот эту вопросительную интонацию в конце только и помнил достоверно Пирошников, вся же остальная фраза, по всей вероятности, была придумана им сейчас самостоятельно.

Так или иначе, начало нити нашлось, и Пирошников осторожно, чтобы не оборвать, принялся вытягивать ее из памяти. Своими словами женщина, как ему хотелось верить, приглашала его продолжить разговор, причем в ее словах Пирошникову почудилась доброжелательность. Он было подумал, что она... словом, он нехорошо подумал, но быстро отогнал эти мысли, тем более что дальнейший ход беседы их никаким образом не подтверждал.

Он вдруг проникся к ней доверием, какое испытываешь подчас к совершенно постороннему человеку, если согласишься, что тому есть до тебя дело. Пирошников ответил ей длинно и не совсем связно, но его слова шли от сердца, встречая сочувствие (он это заметил), хотя вызвать его он не хотел.

— Постойте здесь и выслушайте меня! — говорил Пирошников. — Я вовсе не хочу ничего дурного, поэтому оставайтесь и не обращайтесь внимания, что я пьян. Понимаете, я часто думаю, что вот пройдут еще пять лет, десять лет — я не знаю сколько — и все! Ничего больше не нужно будет — ни любви, ни славы, ни цели никакой, потому что человек, я думаю, умирает рано, задолго до своей смерти... Я сегодня почувствовал что-то странное — с вами случилось? — вдруг почудилось, что все уже было, и не один раз. И лица те же, и разговоры, и мысли... Очень страшно сделалось, и я ушел. Я вам это говорю не для того, чтобы заинтересовать. Я... а что это я все про себя? Про меня вы и сами все поймете, если уже не поняли...

Произнеся такую речь, Пирошников повернулся и зашагал вниз с моста. Он удивился и обрадовался, когда услышал, что женщина идет за ним. Тут снова дурные мысли полезли в голову, и уже представилась этакая небывалая по легкости победа; представилась не без сожаления — опять ошибся, опять не ту встретил... Одним словом, все зря, пусть хоть так кончится!

Но женщина, догнав его, сказала несколько слов, которых оказалось достаточно, чтобы Пирошникову стало стыдно своих мыслей. Она сказала так:

— Если нужно ладить с соседями, которых и видишь-то не каждый день, то, наверное, прежде нужно ладить с собой. Ведь

вы с собою всю жизнь — и всю жизнь мучаетесь! Так нельзя! Не относитесь к себе плохо, тогда и другие...

Короче говоря, что-то в этом роде она сказала Пирошникову, и дело было совсем не в словах, а в голосе, в тех необыкновенно успокаивающих и доверчивых интонациях, каких давно уже не слышал наш герой.

Все! все! все!.. Больше ничего он не вспомнил, сколько ни пытался. Смутно, скорее осязанием, помнил ее руку — тонкие пальцы с ноготками, хрупкое запястье, — но где и когда он коснулся этой руки? Дальше было утро, раскладушка, серая комната — не поймешь какая, в комнате никого нет, коридор на ощупь, замок такой, что черт не разберет, и лестница... Однако что это за лестница?

И только Пирошников подумал это, как перед его глазами возник корабль с тремя мачтами, но без парусов, нарисованный мелом на стене.

Он мог бы дать честное слово, что видел где-то совсем недавно точно такой же корабль, и первым делом подумал, что опять начинаются неприятные повторения в памяти, но на этот раз впечатление от нарисованного корабля было настолько свежо, а сам корабль с острым носом и наклоненными почему-то вперед мачтами был настолько оригинален, что потребовалось лишь легкое усилие, чтобы вспомнить его, и тогда Пирошников похолодел. И сразу же, обгоняя друг друга и торопясь, застучали в уме вопросы и, не находя ответов, тут же наскоро перерастали в подозрения: где он? почему так долго спускается? кто это все подстроил? не болел ли он? почему нет парусов? что делать? Тут вспомнилась и кошка — та, вторая, и крышечка без молока: почудилось, что тишина на лестнице как-то по-особенному зловеща, а в ней глухо отдаются и шаркают его шаги. Молодой человек пустился бежать вниз, выбрасывая ноги мягко, чтобы не оступиться в темноте, но, пробежав еще этажа три, вдруг остановился, наткнувшись снова — конечно же, конечно! — на кошку.

Нечего и говорить, что кошка ничем не отличалась от первых двух, и так же сидела, и крышечка... — черт-те что!

Итак, кошек было теперь равным счетом три, но Пирошников (надо отдать ему должное) в одно мгновение понял, словно уже был подготовлен к этой мысли, что кошка-то на самом деле одна, и, чтобы проверить это предположение, он схватил мирно

дремавшую кошку в охапку и бросился бежать вверх. Он захотел удостовериться в том, что кошка не обладает способностью раздвигаться, а лишь существует в различные моменты времени на одной и той же лестнице. Короче говоря, молодой человек догадался, что кошка самая обыкновенная, а винить во всем следует именно лестницу. И точно! Пробежав некоторое расстояние вверх, Пирошников снова увидел крышечку из-под молока, вроде бы оставленную им только что ниже, но кошки рядом не было. Поставив кошку рядом с крышечкой, Пирошников, уже не очень торопясь, как ни странно почти довольный разгадкой, спустился вниз, чтобы опять на старом месте повстречаться с кошкой.

«Все в порядке!» — подумал он, хотя до порядка было еще довольно далеко и предстояло решить главный вопрос: как выбраться из этого замкнутого круга?

Пирошников присел на ступеньку, чтобы все обдумать, и только теперь начал понимать, насколько серьезны его дела. То есть он не допустил и мысли, что на самом деле существует какая-то такая особенная лестница без начала и конца, — он подумал гораздо проще, а именно: продолжаютсЯ вчерашние штучки — видимо, что-то случилось с головой; вообще нужно кончать с этим делом, не пить и не гулять неизвестно где по ночам. Но такие трезвые суждения не продвинули его в разрешении вопроса. Захотелось курить. Он помял сигарету в руках и оглянулся по сторонам, словно надеялся найти кого-то. Почти в ту же минуту Пирошников услышал внизу шаги. Заглянув в пролет, он увидел сначала руку на перилах, которая совершала размеренные скачки вверх, а потом и человека в серой шапке и кожаном пальто, поднимавшегося к нему. Пирошников встал, успев подумать, как нелепо и подозрительно выглядит он в этот утренний час на лестнице — именно потому, что никуда не идет. Однако человек не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал свой уверенный подъем. Когда он прошел мимо и находился уже выше Пирошникова, тот остановил его вопросом:

— У вас не найдется спичек?

— У меня есть зажигалка. Вас устроит? — сказал человек, остановившись.

— Который час? — спросил Пирошников, подойдя к нему и наклоняясь с сигаретой к зажигалке.

— Семь часов двадцать восемь минут, — проговорил мужчина голосом диктора радио, причем на часы не взглянул. Говорить более было не о чем — в самом деле, не спрашивать же его, где выход? Выход, ясное дело, должен быть вниз. Мужчина удалился, твердо ступая по лестнице, потом где-то наверху и внизу одновременно хлопнула дверь, и Пирошников понял, что шанс потерян.

Утренняя его нега прошла, он и думать забыл о вчерашней незнакомке, которая вовлекла его в эту карусель, но, с другой стороны, не было и страха или возбуждения — все сменилось равнодушием и ленью. Побродив немного вверх и вниз, он от нечего делать поиграл странными свойствами лестницы. Например, он стер у нарисованного корабля одну из мачт, а после отправился посмотреть вниз, что получилось. Результат был, как говорят, налицо: мачты не оказалось и внизу. Тогда он пальцем, испачканным в мелу, дорисовал мачту и пошел наверх, где, естественно, нарисованное им было уже тут как тут.

Он решил идти только вниз (так было легче) и шел около получаса, пройдя, должно быть, этажей сорок или того больше и встретив по пути еще несколько кошек и нарисованных кораблей. Правильной периодичности Пирошникову установить не удалось; бывало так, что новая кошка появлялась буквально через этаж, а после надолго пропадала. Но все эти шутки мало уже интересовали нашего героя. Наконец он остановился. С усмешкой взглянув на окурок своей сигареты, брошенный им где-то выше, а теперь догоравший на ступеньке внизу, Пирошников свернул с площадки в темный коридор, где находились двери квартир. Приблизившись к одной из них, он провел ладонью по тому месту, где обычно находятся звонки, и в самом деле обнаружил под рукою не одну, а целых три кнопки различной формы. Он позвонил в крайнюю. Звонок глухо раздался в квартире, но никто не вышел. Когда же Пирошников попытался ощупать дверь пальцами, чтобы определить, есть ли на ней ручка и какие замки, дверь, поддавшись ему, легко и без звука отворилась, и перед Пирошниковым предстал довольно длинный коридор с высоким потолком, в середине которого на голом проводе слабо желтела электрическая лампочка.

Пирошников вошел, приготовляясь внутренне к новым штукам, которые могли появиться каждую минуту.

Глава 2
НАДЕНЬКА

Чего только не происходит в нашем городе! Кажется, давно уже все утряслось, оделось нарядным камнем, сменило цвет на более жизнерадостный; проспекты стали еще прямее и шире, и при дневном свете город производит юное и прекрасное впечатление, будто никогда не раздавался здесь, на набережной, топот тяжелых копыт Медного всадника, а там, в глубине дворов, словно не прятал бледный юноша тех страшных, омытых кровью драгоценностей. Все ярко и сильно в невской панораме, спокойно и величаво.

Но выйдите из дому декабрьским вечером, когда нет еще настоящей зимы, когда несется и слепит глаза мутный снег; пойдите вдоль Фонтанки, черная вода которой выделяет пар и кажется потому горячей; пройдите под окнами серого здания, что смотрит на Михайловский замок с подозрительностью и угрюмством; взгляните, наконец, на сам этот замок — и как знать, не мелькнет ли тогда на том берегу наклоненная против ветра фигурка человека в длинном плаще и не задрожит ли каменный мост, вспоминая могучий топот? Все неверно в той же панораме, да и нет ее самой — она скрыта за снегом.

...Пирошников, покинув проклятую лестницу, передвигался по чужой квартире. Коридор был как коридор, довольно чистый: стоял комод, накрытый кружевной салфеткой, на вешалке висела одежда. В конце коридора был поворот направо, видимо в кухню, а слева, на некотором расстоянии друг от друга, находились три крашенные двери, лишённые особых примет, все три с английскими замками.

Пирошников подошел к средней и, не успев даже как следует обдумать дальнейшее, толкнул ее. Дверь распахнулась, что отнюдь не удивило нашего героя, приученного уже предшествовавшими событиями ко всему странному.

Теперь перед ним открылась комната, довольно просторная и с высоким потолком, но длинная, как вагон, в конце которой находилось узкое окно с полотняной занавеской. В комнате бросились в глаза шкаф красного дерева, кое-где обитый и поцарапанный, такого же дерева бюро с ящичками, стол, а у другой стены диван со смятой постелью. На диване, поджав под себя

ноги, сидела молодая женщина во фланелевом халатике и причесывалась, глядя в стоящее перед нею на стуле зеркальное стекло без рамы.

Женщина эта не повернула головы к гостю, вообще никак не показала, что замечает его, может быть потому, что была увлечена своими волосами, кстати, имевшими красноватый оттенок и не очень длинными.

— Простите, — начал Пирошников, но женщина, опять-таки не поворачивая головы, не дала ему задать вопрос, а сказала совершенно спокойно, будто ждала его уже давно:

— Раздевайтесь и садитесь. Сейчас будем пить чай.

— Но я вовсе не за этим пришел, я хочу только...

— Это вам кажется, что не за этим. Именно за этим. Садитесь, говорю я вам! И не будем с самого начала осложнять отношений.

Она говорила так, словно знала наперед, что случится, и уже разработала некий план; впрочем, в голосе ее тоже чудилась доброжелательность, и Пирошникову на миг показалось, что он ее где-то видел, что, возможно, это и есть вчерашняя незнакомка. Поэтому он, решив окончательно отдаться случаю, снял свое пальто и повесил его у двери на гвоздь.

— Под шкафом тапки, — сказала женщина, внося последние штрихи в прическу.

Пирошников послушно развязал шнурки и надел эти самые тапки, которые в самом деле находились под шкафом и были ему по ноге, правда разношенные.

Наконец женщина повернула голову к Пирошникову, и он разглядел ее лицо — несколько скуластое, с маленьким носом и не улыбочивыми серыми глазами. Чувствовалось, что в ней есть, как говорят, характер и самостоятельность, что такая не будет говорить зря и что ее трудно, должно быть, заставить плакать. Она смотрела на Пирошникова несколько секунд, но без особого любопытства, а с какой-то усталостью, что ли, с каким-то таким выражением: ну вот ты и пришел, что же будем делать?

— Давай познакомимся хоть, — сказала она и протянула руку. — Надя... хотя, — тут она усмехнулась почему-то невесело, — меня все называют Наденька, и ты тоже будешь так звать.

— Владимир, — сказал Пирошников, подойдя к ней и взяв ее руку в свою. Рука была маленькая, но сильная, и пальцы без

острых ногтей, по чему Пирошников определил, что новая его знакомая, во всяком случае, не та, с которой он беседовал накануне.

— Ну вот и прекрасно, Владимир, — улыбнувшись в первый раз, и довольно хитро, ответствовала Наденька.

Она освободила руку, встала и, не говоря больше ничего, убрала постель в шкаф, после чего удалилась, предоставив Пирошникову некоторое время для знакомства с комнатой.

Первым делом наш герой, что совершенно естественно, подошел к окну и, посмотрев в него, убедился, хотя было еще темно, что комната расположена примерно на четвертом или пятом этаже над какой-то улицей, вроде бы и знакомой, но не совсем. Отвернувшись от окна, он принялся разглядывать стену над диваном, где висели в беспорядке фотографии незнакомых лиц, большей частью детских, а сбоку находилось несколько книжных секций с поставленными вперемежку книгами по медицине, стихами, собранием сочинений Достоевского в старом издании и наборами художественных открыток. Из этого осмотра Пирошников заключил, что Наденька, должно быть, медик, но этим его открытия и закончились.

Тут как раз вернулась Наденька с чайником и принялась накрывать на стол, доставая из ящиков бюро ложки, чашки, сахарницу, сыр в бумажной обертке и хлеб.

— Послушайте, — сказал Пирошников, садясь за столом чуть развязнее, чем требовалось обстоятельствами. — Мне кажется, будто мы с вами виделись...

Наденька посмотрела на него внимательно и усмехнулась.

— А мне здесь, пожалуй, нравится. Я правильно сделал, что пришел, — продолжал Владимир.

— А куда бы ты делся? Тебе же деться больше некуда, — опять-таки очень спокойно заявила Наденька (при этом она изготавляла бутерброд).

— Вот как? — начал Пирошников ломать комедию. — В таком случае я остаюсь здесь. Я устраиваю в этом доме резиденцию на неопределенный срок... — («Шути, шути», — пробормотала Наденька.) — Новая веха в жизни Владимира Пирошникова, экс-интеллигента, экс-осветителя, а ныне работающего на дому...

Пирошникова несло явно не в ту сторону. Он и сам понимал, что принятый им тон совсем не тот, то есть и близко не стоит к нужному тону, но после всех приключений на лестнице найти

нужных слов попросту не мог, а молчать не догадывался. Поэтому, внутренне стыдясь, он плел эту ахинею и надеялся лишь на то, что все вдруг кончится и развеется как дым.

— В результате кошмарной истории с чертовщиной и кошками... — продолжал он.

— Кошку зовут Маугли, — сказала Наденька. — Это моя кошка. Мужу она не понравилась, и он ее выгнал на лестницу.

— Мужу? — Пирошников присвистнул.

— Да, мужу. Что ты на меня смотришь? Есть такое слово «муж».

И в точности на слове «муж» раздался где-то за дверями звонок, потом другой, и Пирошникову стало несколько не по себе — настолько, что и передать нельзя.

Да, влип он в историю, сам виноват! Переждал бы, перетерпел явление с лестницей — глядишь, все бы кончилось хорошо. А теперь объясняйся, кто такой и откуда, а главное, зачем он здесь в восемь часов утра пьет чай.

Наденька между тем, не показав никакого смущения или раздумья, снова удалилась и вернулась через минуту, слава богу, без никакого мужа, а с телеграммой в руках.

— Собирается веселенькая компания, — сказала она себе под нос, кладя телеграмму на бюро.

После этого она продолжала пить чай, а Пирошников как воды в рот набрал, мечтая поскорее улизнуть. Наденьку молчание Пирошникова никак не задевало. Она явно готовилась уйти из дома, для чего, отойдя к шкафу и спрятавшись за распахнутой дверкой, Наденька скинула халатик, надела вынутое из шкафа синее простенькое платье, поверх него докторский белый халат, сунула в сумочку белую же шапочку и принялась натягивать пальто, обращая на Пирошникова внимания не больше, чем на обои.

Застегнув последнюю пуговицу, Наденька сказала:

— Если будут звонить два раза, открывай, это к нам. Я к обеде приду.

— Ну извините! — Пирошников сорвался с места. — Как-нибудь в другой раз, если вы позволите, мы встретимся и побеседуем. А сейчас, извините, я тоже пойду... Черт побери! — вдруг в тоске вскричал он. — Да кончится эта ерунда или нет?

Наденька с сожалением посмотрела на него.

— Ты отдохни. Сегодня тебе отсюда не выбраться. Я-то уж знаю, — многозначительно проговорила она. — Будем стараться что-то сделать.

Она подхватила сумочку и вышла из комнаты, а Пирошников, сорвав пальто с гвоздя, как был в тапках, бросился за нею. Но напрасно! Наденьки и след простыл, в коридоре ее не было, не было и на лестнице, куда Владимир выскочил, и, повертевшись на лестничной площадке, такой знакомой уже и навевающей неприятные воспоминания, он вернулся в комнату, сел на диван, обхватил голову руками и задумался.

Незаметно для самого себя Пирошников сначала расположился на диване поудобнее, потом поджал ноги, тапки слетели на пол, голова склонилась на мягкий плюшевый и достаточно потертый валик, пахнувший почему-то карамелью или вареньем; Пирошников глубоко вздохнул, спрятал руки в рукава пиджака да так и заснул на диване младенческим дивным сном.

Мы не будем ему мешать, а лучше последуем за Наденькой, ибо для дальнейшего понимания событий нам требуется в настоящий момент услышать два телефонных разговора.

Оба они состоялись сразу после того, как Наденька вышла на улицу из подъезда, порылась в сумочке и забежала в ближайший телефон-автомат. В первом разговоре ею было сказано довольно кратко и сухо, чтобы некто пришел как можно скорее и сделал то, что обещал сделать. Именно так она и сказала, и, если разговор кажется не слишком вразумительным, оставим его на ее совести.

Второй разговор был более понятен. Удалось установить, что Наденька звонила брату и просила его встретить на вокзале дядю, который приезжает в десять утра. Наденька просила также доставить этого дядю к ней домой.

После этого Наденька покинула телефонную будку и затерялась в толпе. Наблюдать за нею не было никакой возможности, потому что толком еще и не рассвело.

Глава 3 СОН ПИРОШНИКОВА

Пока Наденька, положив в сумку белую шапочку, путешествует из квартиры в квартиру, совершая утренний обход больных детей; пока летит в курьерском поезде вышеназванный дя-

Житинский А.

Ж 74 Потерянный дом, или Разговоры с милордом : повесть, роман, рассказы / Александр Житинский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1024 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33976-7

Думаете, чудес не бывает? Бывают, да еще и какие!

Однажды вечером в городе Ленинграде поднялся в воздух кооперативный дом. То есть просто взлетел, чуть полетал по небу и приземлился в совершенно другом районе, на Петроградской стороне, неподалеку от Тучкова моста, на Безымянной улице. И это еще не главное — избушка Бабы-яги тоже перемещается и летает. Основная интрига в том, что центральный герой романа, Евгений Викторович Демилле — архитектор, между прочим, не кто-нибудь, — выйдя поутру от любовницы, не обнаружил места своего проживания. Пришел то есть, а дома нет. Но и это еще не все. У автора романа, оказывается, существует соавтор. Лоренс Стерн — знаете такого писателя? Он-то и есть милорд, в переписке с которым состоит автор, то есть, простите за повторы, соавтор, Александр Житинский. Вот такая история — про талантливого советского архитектора, способного возводить дворцы и прочие архитектурные чудеса, но вынужденного проектировать черт-те что, английского писателя Стерна и Александра Житинского, воплотившего все это в большой роман. Публикующийся здесь в полной авторской редакции, восстановленной по самиздатовской машинописи и прежде недоступной широкому читателю.

Дополняют книгу повесть «Лестница» и избранные рассказы, написанные в разные годы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЖИТИНСКИЙ

ПОТЕРЯННЫЙ ДОМ,
ИЛИ
РАЗГОВОРЫ С МИЛОРДОМ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Юлия Теплова, Ольга Золотова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 62,72. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-ARL-43377-01-R